

*А.Л. Ренанский,
профессор кафедры
театрального творчества
Белорусского государственного
университета культуры и искусств*

ДУХОВНЫЙ СМЫСЛ РАССКАЗА А. ЧЕХОВА «СТУДЕНТ»

При всей краткости рассказа А. Чехова «Студент» его временной и пространственный континуум отличается особой широтой. Перечислим локусы рассказа, образующие его художественное пространство, в той последовательности, как они упомянуты повествователем: *весенний лес; сени и печка в доме студента; вдовьи огороды; Тайная вечеря; Гефсиманский сад; двор первосвященника; Гефсиманский сад; вдовьи огороды; паром через реку; дорога, идущая в гору; родная деревня студента.*

Темпоральную ось рассказа составляют два дня Страстной недели. Реальное действие происходит в Страстную пятницу, а рассказ студента Ивана Великопольского восходит к евангельским описаниям событий Великого четверга. Таким образом, временной континуум рассказа составляют «девятнадцать веков» (как особо отмечено самим повествователем). В этот континуум входят также *времена Рюрика, Иоанна Грозного и Петра*, которые объединяет некая бытийная неизменность русской истории («все эти ужасы были, есть и будут»).

Для понимания драматургии рассказа изложим вкратце его основные события.

Студент Духовной академии Иван Великопольский возвращается из леса домой. Погода переменилась – поднялся холодный ветер. По случаю Великой пятницы все в доме постятся и студент еще ничего не ел. Озябший и голодный, он думает о том, «что точно такой же ветер дул и при Рюрике, и при Иоанне Грозном, и при Петре, и что при них была точно такая же лютая бедность, голод, такие же соломенные крыши, невежество, тоска, такая же пустыня кругом, мрак, чувство гнета, – все эти ужасы были, есть и будут, и оттого, что пройдет еще тысяча лет, жизнь не станет лучше».

Студент думает об истории как о бессобытийном цикле. Сами выражения, сами образы его мыслей – *точно такой же ... точно такая же... такие же... такая же... и при...и при... и при... были есть и будут* – принимают такую фигуру, которая в логике определяется как «дурная бесконечность». Затем студент

подходит к костру, у которого он находит двух вдов из своей деревни – Василису и ее дочь Лукерью. Греясь у костра, студент напоминает им историю троекратного отречения апостола Петра, которую обычно рассказывают на Богослужении в Великий четверг на Двенадцати Евангелиях. В конце рассказа Василиса заплакала, а у Лукерьи выражение лица стало «тяжелым, напряженным, как у человека, который сдерживает сильную боль».

Возвращаясь домой, студент думал о Василисе и причине ее слез: «Если старуха заплакала... то потому, что она всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра». Этот вывод наполняет душу студента радостью и приводит к новому восприятию истории: «Прошрое, думал он, связано с настоящим непрерывной цепью событий, вытекающих одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой». И человеческая история открывается студенту духовной академии уже не как *круговорот*, не как бессобытийный цикл отдельных бытований, не как дурная бесконечность ужасов, а как осмысленная цепь причин и следствий, что в богословии трактуется как *Провидение* или *воля Божия*. И студентом овладевает «чувство молодости, здоровья, силы», «сладкое ожидание счастья», жизнь кажется ему «восхитительной, чудесной и полной высокого смысла». Это – внешний сюжет рассказа. Но есть еще и внутренний – не действенный сюжет персонажа, а сюжет мысли автора, со своей особой драматургией. А он рассказывает о том, как и при каких обстоятельствах двадцатидвухлетний студент Духовной академии приходит сначала к пессимистическому выводу о ходе истории, а затем к противоположному – оптимистическому ее истолкованию. Какие же психологические предпосылки определяют столь разную и столь быстро меняющуюся оценку истории?

Еще раз проанализируем событийный ряд (не забывая при этом, что событие конфликтно, а конфликт событиен). Что можно считать в рассказе первым событием? Вероятно, резкое изменение погоды: как только у студента коченеют пальцы и разгорается от ветра лицо, ему уже кажется, «что этот внезапно наступивший холод нарушил во всем порядок и согласие».

В чем же нарушение этого самого «порядка и согласия», в том, что вечером ранней весной может опять стать по-зимнему холодно? Немецкий литературовед Вольф Шмид проницательно заметил, что здесь «нарушен скорее другой порядок, который как

раз богослову и следовало бы соблюдать. Иван возвращается домой не с духовных занятий, а с *тяги*. Это слово обозначает, во-первых, брачный полет самца вальдшнепов, отыскивающего самку, а во-вторых, охоту на вальдшнепов в тот период, когда эти птицы становятся легкой добычей охотника» [2, с. 172].

Внимательного читателя уже в первых строках рассказа должна была насторожить одна неожиданная звуковая деталь: «Протянул один вальдшнеп, и выстрел по нем прозвучал в весеннем воздухе раскатисто и весело» [1, с. 307]. То, что стрелял именно герой рассказа, автор отмечает в следующем же абзаце: «Иван Великопольский... возвращаясь с тяги домой, шел все время залившимся лугом по тропинке» [1, с. 307]. А чуть позже автор укажет и время действия: Великая пятница – самый горький и безутешный день Страстной недели. В этот день даже простой христианин соблюдает особые правила. И родители Ивана их придерживаются: в доме говеют. Так не является ли охота в этот скорбный день бóльшим нарушением порядка и согласия в природе, чем неожиданно вернувшийся зимний холод? И не должны ли звуки «чего-то живого», что «жалобно гудело в болотах» (именно они задают тональность рассказа), напомнить студенту о Страстях Господних?

Основную проблему рассказа можно сформулировать так: что побудило студента рассказать у костра двум вдовам историю об измене апостола Петра, которую они и без того слышали накануне в церкви? Интересно также сравнить его рассказ с теми местами из Евангелий, которые читают в Великий четверг.

Евангелие от Иоанна представлено двумя текстами из 13-й главы (стихи 31–38) и 18-й главы (стихи 1–28). А Евангелие от Матфея представлено лишь одним фрагментом из 26-й главы. Но большинство деталей для своего рассказ студент взял из Евангелия от Луки, который в Великий четверг представлен только одним текстом (глава 23, стихи 32–49), где об истории отречения Петра вообще не говорится. Так почему же будущий богослов предпочел именно это Евангелие?

Можно предположить, что этот выбор был вызван особым драматизмом и психологизмом, которые отличают это Евангелие, а может, и более живым изложением. Но важно отметить, что, выбирая отдельные эпизоды из Страстей Господних, студент рассказывает, по существу, не о страданиях Христа (о Нем он упомянет лишь кратко: «Иисус смертельно тосковал в саду»), а историю об апостоле Петре. И, что самое главное,

в изложении студента это уже не история измены Петра, а повествование о его страданиях. Именно поэтому студент и пересказывает во многих деталях Евангелие от Луки, а не Евангелия от Иоанна и Матфея, которые как раз и читают на богослужениях в Великий четверг.

Выскажем предположение о причине такого отступления от церковного канона.

Вероятно, студент сострадал измученному Петру не в акте духовного переживания, а исключительно на телесно-физиологическом уровне, воспринимая его состояние через свое собственное. Эта идентификация угадывается уже в первой его реплике на вдовьих огородах: «Точно так же в холодную ночь грелся у костра апостол Петр» (самоотождествление студента с Петром здесь вполне соответствует формуле перевоплощения по Станиславскому: «Я в предлагаемых обстоятельствах»). И лишь неожиданно глубокая сердечная реакция вдов на рассказ студента, вдруг открывает ему всю великую правду Страстной недели. И возвращаясь домой, он уже «думал о том, что правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле...» [1, с. 309].

1. Чехов, А. П. Студент / А. П. Чехов // Собр. соч. : в 8 том. – М., 1984. – Т. 6.
2. Шмид В. Проза как поэзия / В. Шмид. – СПб., 1994.